

М.О. Зимин
студент IV курса факультета
неорганической химии и технологии
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный
химико-технологический университет»

К.А. Юдин
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
старший научный сотрудник
НИИ интеллигентоведения при
ФГБОУ ВПО «Ивановский гос-
ударственный университет»

Эрих Вайнерт и «левая» художественная интеллигенция Германии: война, общество, личность в немецкой литературе второй четверти XX века

Данная статья посвящена творчеству известного поэта, писателя, переводчика Эриха Вайнерта, а также идейному облику конкретного сегмента интеллектуального сообщества Германии второй четверти XX века – художественной интеллигенции. Придерживаясь консервативных позиций, авторы предприняли попытку проанализировать, как ведущие факторы исторического процесса – социально-политические катаклизмы военно-революционного характера повлияли на трансформацию мировоззрения художественной интеллигенции, испытавшей «пролетаризацию мышления» и попавшей под влияние левой идеологии. В статье использованы ставшие доступными авторам материалы отечественного и зарубежного литературоведения, историографии, а также собственные разработки: ранее осуществленные публикации; перевод с немецкого некоторых фрагментов литературного наследия Э. Вайнерта выполнен М.О. Зиминим.

Ключевые слова: Эрих Вайнерт, немецкая литература XX века, левая идеология, эгалитаризм, социалистический реализм, энтропия, консерватизм, органичное государство, Третий путь.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».

XX век для всего мирового сообщества стал эпохой глобальных экзистенциально-онтологических потрясений, некоей «зоной турбулентности», эпицентром разрешения многовековых геополитических и идеологических противоречий. Одной из

главных жертв этих многочисленных катаклизмов стала Германия. Поражение в Первой мировой войне привело к масштабной трансформации всего социокультурного пространства немецкой нации, что было связано с крушением имперской гос-

ударственности, становлением республиканизма на условиях «победителей». Версальско-вашигтонская система предполагала не только лишение Германии полноценного статуса геополитического субъекта международных отношений, но и нанесла серьезный удар по социальной структуре, вызвав к жизни конфликт между представителями «кайзеровской» Германии, «старого мира», армейско-аристократическими кругами, консервативными интеллектуалами и – набиравшим оборот социально-демократическим движением, мощным всплеском которого стала ноябрьская революция 1918 г., закончившаяся провозглашением строя, известного в историографии как «Веймарская республика».

Стремительные, бурные, стихийные изменения, метаморфозы, происходившие с Германией, немецким обществом, гнетущее ощущение непредсказуемости и мучительных сомнений в правильности уже проделанного и предстоящего «цивилизационного маршрута» выступили катализатором пробуждения творческой активности – интеллектуальной элиты, интеллигенции. Именно художественная литература, искусство получают в это время могучий идейный стимул. Писатели, поэты, художники, нередко будучи не в состоянии оказать политическое противодействие деструктивным процессам, предпринимают смелую попытку по «интеллектуальной обороне».

Это выражалось в индивидуальной рефлексии национальной истории, стремлениях напомнить ныне живущим поколениям, своим современникам, о высших, незыблемых ценностях и приоритетах – жизни, свободе, достоинстве личности как уникального духовного измерения, представления о которых стали утрачиваться в ходе циничных социально-политических экспериментов над человеческой природой, приводивших к фатальным результатам: люди превращались лишь в материал, использовавшийся для достижения абсурдных, в корне патологических и утопичных целей, подчиненных вождистско-эгоистическим устремлениям лидеров тоталитарных стран.

Однако, тем не менее, приходится констатировать, что, к сожалению, *сами по себе* положительные и конструктивные антивоенные, миротворческие убеждения, настроения творческой, художественной интеллигенции, также не были избавлены от серьезной идеологической тенденциозности.

Утверждение и окончательное торжество фундаментальных гуманистических ценностей, онтологических приоритетов однозначно и, самое главное, – *неправомерно*, ассоциировалось исключительно с «перспективами» либерально-демократического, социалистического миропорядка, являвшихся конкретно-политическим разновидностями не менее опасной идейно-экзистенциальной утопии – *эгалитаризма* – доктрине всеобщего и провозглашаемого «естественным» равенства, игнорирующей подлинную социально-интеллектуальную иерархию, складывавшуюся не на основе искусственных сословно-классовых, партикулярных барьеров, а проистекавшую из имманентной природы и внутренней сущности, особенностей личности, возвышавшейся над границами индивидуальности натуралистического подобию. Все это оказывается непонятым многими представителями литературного сообщества, чьи писательско-поэтические дарования, тем не менее, не только не стали спасением от интеллектуальной, духовной близорукости, а, напротив, становились на службу, апологию леворадикальному революционному волюнтаризму.

В 1920-1930-е гг. складывается целая плеяда поэтов, которых в советской [10;12] и историографии ГДР [8;29] относили к классикам «социалистического реализма» за их воинственную непримиримость к буржуазному образу жизни и складу мышления. Среди них такие известные деятели «Союза пролетарско-революционных писателей Германии», как Людвиг Ренн, Эгон Эрвин Киш, Анна Зегерс, Фридрих Вольф, Бертольд Брехт, Берта Ласк, Рудольф Брауне, Ганс Мархвица [6, с. 264, 275-277]. Литература этого периода, как справедливо отмечают исследователи, полностью впитала дух уже опи-

санных вышел катаклизм «эпохи исторического перелома» [7, с. 56.]

Это выражалось в предельно ангажированном и даже экспрессивно-эпатажном характере создававшихся в это время художественных произведений, погружавшихся в своих фабулах в идейно-политическую дискурсивность левой модальности. Как отмечал в 1931 г. на страницах журнала «Линкскурве» Р. Бехер, задачи литературных объединений и создаваемых ими произведений заключались в том, чтобы «пробуждать дремлющих» и «воодушевлять классово сознательных борцов» [24, s. 1].

Поэтому доминирующей тематикой становится остро социальная проблематика, сфокусированная вокруг спектра «власть и общество» в конфликтном ракурсе. «Классовый антагонизм», противостояние «старого мира» – «прогнившего капитализма» и грядущее торжество «светлого будущего», описываемого социал-демократической пропагандой в произведениях этого времени, воспроизводились с помощью введения *фигур антигероев*, олицетворением которых становились типы зажиточных и косных буржуа-бюргеров, представители немецкого офицерства, относимого к «реакционному пруссачеству», а также все правомонархические круги, служившие германскому милитаризму и, соответственно, воспринимавшиеся главными виновниками злодеяний, пославшими на смерть сотни и тысячи солдат из рабоче-крестьянской среды ради удовлетворения «империалистических appetitов». Собственно, либерально-пацифистское течение и его литературное наследие формировалось еще накануне Первой мировой войны. По воспоминаниям Виланда Херцфельде: «Зимой 1916 года известная актриса Гертруда Эйзольдт читала стихи из «Альманаха «Нойе Югенд». Это было стихотворение «Человеческие жертвы», написанное моим отцом, Францем Хельдом, умершим еще до войны. Оно заканчивалось четверостишием:

Я родился умереть солдатом,

*Но не может сердце матери смириться
С тем, что нужно сыном заплатиться,
Чтобы солнце императора сияло»*

И далее: «Публика, собравшаяся в Майстер-зале на Кётенерштрассе, пришла в страшное возбуждение. Раздались возгласы: «Долой войну!», «Долой кайзера!» Женщины кричали, плакали. Из зала выносили потерявших сознание» [2].

Тема социального протеста, эмоционально окрашенного возмущения звучит в драме «Антигона» В. Газенклевера и его же стихотворении «Убийцы слушают оперу» (1917), новеллах А. Лацко «Люди на войне», Ф. фон Унру «Жертвенный путь» (1919) стихотворении Б. Брехта «Легенда о мертвом солдате», драме К. Клауса «Последние дни человечества» (1919), ранних антивоенных стихах «Новая молодежь», написанных в 1916-1917 гг. В. Херцфельде и других [7, с. 54-55].

В это же время, наряду с декадентско-апокалиптическими настроениями многие литературные произведения начинают впитывать и отражать *историцистическую методологию*, присущую левой идеологии и заключающуюся в использовании «философии свершившегося факта». Она предполагала легализацию всех произошедших и даже в корне абсурдных, патологических изменений и одновременное объявление их «законными и разумными» только на том основании, что они одержали победу насильственным, революционным путем, стали итогом манифестации «воли масс». К числу подобных творений можно отнести, например, пьесу К. Штернхейма «Год 1913», лейтмотивом которой выступало ощущение неумолимого исторического детерминизма – смены одной системы (=общественно-экономической формации) другой, ряд работ представителей экспрессионизма как литературного направления. Фабулы художественных – прозаических и эпических произведений – также разделяли марксистскую схему о линейно-прогрессистской заданности исторического процесса, катализатором движения которого выступала

ожесточенная «классовая борьба», направленная «против человечества той эпохи, которая приближается к концу, ради страстного желания готовить, звать новое, лучшее человечество» [28, с. 29].

Инфантильная вера в прогресс и качественное моральное преобразование человека в грядущем социалистическом обществе привело художественную интеллигенцию Германии 1920-40-х гг. к еще более серьезным заблуждениям, связанным с устойчиво воспроизводимыми *эквивокациями* (подменами, искажениями в восприятии и смешении смыслов. – прим. авт.) при выборе и атрибуции в художественных произведениях объекта критики.

Все это, бесспорно, было следствием патологического влияния на ценностно-мировоззренческие ориентиры интеллигенции плебейской субкультуры, что привело в некоторой степени к «пролетаризации мышления» интеллигенции, когда представители последней предавали служение объективной истине, связанной с пониманием, что «коллективный субъект», рабоче-крестьянская среда, – это не столько класс или общественная страта, а это онтологически *низший тип* человека /индивида, который воспроизводится в метаисторическом измерении, и никакие политические системы, частно-эмпирические модусы бытия – капитализм, социализм и т.п. не способны повлиять на *внутреннюю* сущность и обусловленный ей *внешний* экзистенциальный облик.

Но, к сожалению, под воздействием «комплекса вины» перед массами за их многовековое «угнетение», художественная интеллигенция демонстрировала подверженность индокринации левой идеологии и пополняла ряды т.н. «народнического движения», вместо того, чтобы быть «аристократией духа», устремляющейся к метафизическим высотам – служению высшим эстетическим и культурным идеалам, что предполагает благородное презрение ко всему профаническому, ситуативно-конъюнктурному, примитивному, плебейско-филистерскому. И только, используя выражение Т. Манна «фанатическое самоослепление», «преданность священному коммунистическому учению»

[14, с. 189], могло подтолкнуть значительную часть немецкой интеллигенции на подчинение вектора своей интеллектуальной активности превознесению ложной идеи демократии, когда абсолютизация общностей – ее носителей и во имя которых она провозглашается – народа, нации, расы – все, вырождается либо в социалистический эгалитаризм, либо националистический партикуляризм любого политического спектра.

В результате этих идейных устремлений художественной интеллигенцией Германии надолго были потеряны верные ориентиры. Как справедливо отмечал Ю. Эвола, активистами левых кругов, если пользоваться терминологией артиллериста, были выбрана ложная цель [16, с. 8] – под прицелом их критики автоматически оказались все инакомыслящие. Дело в том, что в одном «лагере» с «реакционной буржуазией» и правыми в *экономическом смысле* как сторонниками абсурдных прогрессистских изменений материалистического плана или наоборот – инертно-конформистского самоублагодотворения и экзистенциального гипостазирования, оказались представители подлинной право-консервативной парадигмы, устремленной к построению *органичного государства и общества*, основанного на принципах, обладающих высшим, *надвременным* и *надиндивидуальным* узаконением. К ним можно отнести: благоразумие, размеренность, спокойствие и уравновешенность, интеллектуальную самодисциплину и духовная устойчивость – осмысленность и твердость в своих поступках, внутреннюю самодостаточность.

Иными словами, органичная актуализация личности, обладающей здоровой логикой, прочной памятью, критическим мышлением – все это в интегральной цельности и единстве формирует особый воинско-нонконформистский этос, «римский стиль», предполагающий не безрасудное движение вперед, а вращение вокруг оси фундаментальных идейных координат, составляющих «цивилизацию бытия» и отторгающих бессмысленное становление и реактивность на абсурдные «вызовы времени» [См. подр.: 23, с. 42-48;

20, с. 58-83] и их обслуживание генерируемого им дискурса, когда творчество, превращается в производственный процесс, количественную репродукцию заданного идеологического вектора, а автор – в его инструмент-исполнитель. В возобладании подобных тенденций прямо признавался В. Беньямин, который писал: «... Для автора как производителя технический процесс является основой его политического прогресса. Другими словами: лишь преодоление тех компетенций, которые в соответствии с буржуазным пониманием, образуют его порядок, делает это производство политически пригодным; а именно препятствия компетенций обеих производственных сил, которые были сооружены, чтобы разделять, должны быть вместе сломлены. **Автор как производитель испытывает – испытывая солидарность с пролетариатом** (здесь и далее выделено нами. – прим. авт.) – непосредственно в то же время солидарность с другими определенными производителями...» [1, с. 119].

Поэтому неудивительно, что нередко были случаи, когда жизненный путь многих поэтов, писателей, протекавший в импульсивных порывах, навеянных лево-идеологизированной эмоциональностью, экзальтацией, заканчивался трагично: их попытки выйти за пределы «классовых границ» с помощью разрыва с семьей, «мещанско-мелкобуржуазным окружением», приводил к поистине тяжелой патологии личности, пораженной вирусом революционной лихорадки и вызванными ей мистико-экстатическими состояниями – экстремистскому нигилизму и растворению личности в лоне коллективистских установок. Так, еще в 1914 году Франц Верфель (1890-1945) в одном из своих стихотворений («Призыв к революции»), отразил этот иррациональный пафос стремления к ниспровержению существующего уклада, слепого погружения в энтропию, «хаос перемен»:

*Всю низость постигни, и сам вырастай
Проклятия крикни, и смело сгорай,
Против старого мира воздвигни новой
жизни сверкающий край*
(Перевод Вл. Пяста) [7, с. 65]

Георг Гейм писал: «...безысходный энтузиазм душит меня в это банальное время. В своих грезах наяву я вижу себя Дантоном, борцом на баррикаде, я не мыслю себя без фригийского колпака» [25, с.164]. Его стихи отражают экзистенциальный страх, тревогу, мучительное ожидание итоговой развязки противостояния военно-политических сил...:

*Пробудился тот, что непрерывно спал.
Пробудясь, оставил сводчатый подвал.
Вышел вон и стал, громадный, вдалеке
Заволокся дымом, месяц сжал в руке*
(Перевод Б. Пастернака) [7, с. 62]

Другая эквивокация, которая также была распространена не только среди художественной интеллигенции тех лет, но и сохраняющаяся в современной общественно-политической реальности, литературоведении и историографии, это смешение двух сфер – идеального и реального, теории /парадигмы, автономной в своей изначальной самооценности и – конкретной политической практики.

Как мы уже отмечали в своих ранее вышедших публикациях [21; 22], фашизм в дискурсе левой идеологии неправомерно воспринимался либо в собирательно-расширительном значении, как общее обозначение человеконенавистнической, расово-дискриминационной и иной деструктивной политики, проводимой правящими кругами Германии, Италии, Испании, или вообще даже – как «диктатура реакционной буржуазии». Это неизбежно, автоматически приводило к дискредитации самой положительной доктрины и идеи «консервативной революции», выступавшей альтернативой, как социализму, так и капитализму – Третьим путем, открывающим перспективы героической атмосферы, подлинной иерархии и интеграции различий, что не имеет ничего общего со всеобщим смешением на основе интернациональных лозунгов и установок. Именно эту идею национал-социализм и фашизм как *частно-исторические модели с национально-государственной спецификой*, пусть и крайне неудачно в силу доминирования субъективизма и волюнтаризма лидеров

Германии, Италии, но попытались воплотить в жизнь.

Иными словами, то идейно-мировоззренческое течение в литературной среде, которое принято именовать «антифашистским» [11, с. 246], скорее следует характеризовать как гуманистическо-антимилитаристское, что более отвечает действительности. Тот же Т. Манн признавал: «Уже через 4 года после выхода «Размышлений», я оказался защитником демократической республики – этого слабого дитя поражения, и антинационалистом, хотя не ощущал при этом ни внутреннего разлада, ни малейшего чувства отречения от чего-то. Именно *антигуманизм эпохи* (выделено авт.) дал мне понять, что я всегда занимался лишь одним, или по крайней мере, стремился к этому, – а именно, защищал человечность. И ничем иным я заниматься не буду» [14, с. 351].

Поэтому в данном случае, прозаико-эпический пафос поэтов, писателей был направлен именно на разоблачение произвола тоталитарно-репрессивной машины и ее вдохновителей, встречавшийся не только у «фашистских» государств, но и взявших курс на построение социализма/ коммунизма, применявших не менее жестокий террор к «контрреволюционным силам», оправдывая его якобы необходимой жертвой, приносимой ради утопического благоденствия «трудящихся» и всеобщего «равенства и братства». Тем не менее, многие представители художественной интеллигенции самоустранились от решения этих проблем, посвятив свое творчество одностороннему прославлению революционно-социалистических преобразований и «пролетарской культуры», что повлияло на характер, стиль, тематику их литературного наследия.

Ярким представителем художественной интеллигенции первой половины XX в., чье мировоззрение складывалось описанным выше образом, можно считать известного поэта, писателя, переводчика Эриха Вайнерта (1890-1953), являющегося «классиком» социал-демократического эпоса. Вайнерт родился 4 августа 1890 г. в городе Магдебурге в семье инженера, разделявшего социал-демократические убеж-

дения, которые, бесспорно, повлияли на дальнейшую судьбу Эриха. Отец воспитывал сына в революционно-прагматическом духе, полагая, что лучшей «школой жизни» для него станет плебейско-пролетарская среда, в которой, он сможет получить трудовые навыки и правильное понимание окружающего мира, представляющего собой суровую борьбу за существование, особенно жестокую для тех, кто зарабатывает материально-производительным трудом.

В результате, в 14 лет Э. Вайнерт поступает на машиностроительный завод учеником, однако, призвание к литературному творчеству постепенно начинает доминировать и преобладать над пролетарской профессией, хотя он и продолжает симпатизировать «четвертому сословию». Работая на заводе, Вайнерт одновременно занимался самообразованием, проявляя большой интерес к живописи, истории литературы и искусства, изучал английский и французские языки, латынь и греческий. В эти годы он мечтал стать художником. К этому времени относятся его первые литературные опыты. Молодой поэт пишет ряд лирических и антиклерикальных стихотворений, а также историко-революционную драму о Томасе Мюнцере – герое крестьянской войны в Германии XVI в., что свидетельствует о фактической индоктринации в орбиту установок левой идеологии: как выражалась советская историография, его сердце было «всегда слева» [См.: 3,5,9,27].

В 1910 г. Вайнерт поступает в Высшую школу прикладных искусств в Берлине, по окончании которой, в 1912 г., он получает диплом учителя рисования и работает некоторое время, до призыва в армию в 1913 г., книжным иллюстратором. В годы Первой мировой войны он решительно демонстрирует пацифистско-гуманистические убеждения.

Нужно отметить, что решающее влияние на дальнейшее формирование мировоззрения Вайнерта оказала ноябрьская революция 1918 года в Германии, которую поэт встретил предельно инфантильно-оптимистически, восторженно, приняв на веру прогрессистскую пропаганду «левых»

кругов, неустанно транслирующую пораженческие настроения в духе известного ленинского призыва о перерастании «буржуазно-демократической революции в – социалистическую». Вайнерт открыто выражает свою симпатию к стране Советов, возлагая надежды, что революционный процесс в Германии пойдет аналогично, как и в России. Однако, эти лжеоптимистические ожидания оказались тщетными: нарастающий кризис веймарского республиканизма, конфронтация между разными политическими силами – спектрами левого и правого движения – радикалами, «социал-реформистами», ультраправыми националистами и немногочисленными сторонниками консервативного порядка – партикулярный релятивизм, превознесения пресловутого «принципа партийности» выше истины и здравого смысла, приводившего к абсолютной неспособности договориться и объединиться вокруг фундаментальных, стратегических целей, ускользавших от понимания из-за дискурсивного соперничества – эти патологические процессы экзистенциально-онтологической энтропии, в которые были вовлечены все как субъекты-игроки, а отнюдь не интриги отдельных, высокопоставленных «буржуазных филистеров» [6, с. 283], привели к тяжелому социально-экономическому кризису. В поисках случайного заработка Вайнерт рисует вывески для торговых лавок, а затем получает место учителя рисования в школе прикладных искусств.

В 1921 г. состоялся публичный дебют Э. Вайнерта, выступившего с чтением своих стихов в литературно-политическом кабаре «Реторта» в Лейпциге. Его выступление своей экспрессивностью, воинственным настроением, свойственным всем левым «разоблачителям», не просто имело успех, но произвело впечатление на солидаризирующихся с его идейной линией. Антимилитаристский настрой стихов Вайнерта привлек внимание лево ориентированных сатирических журналов, являвшихся в то время ведущими трибунами – проводниками либерально-гуманистического мышления – «Симплициссимус» / «Simplicissimus» и

«Вельтбюне» / «Die Weltbühne». С 1924 г. Вайнерт регулярно участвует в революционных митингах и рабочих собраниях; он проводит ряд поездок по стране и быстро приобретает популярность как «народный поэт», поборник интересов пролетариата. Сам Вайнерт впоследствии откровенно признавался в служении «четвертому сословию»: «...Я поставил всю мою жизнь, мое творчество и мои силы на службу одному великому делу человечества – делу борьбы за победу рабочего класса над капитализмом» [6, с. 286].

В годы Веймарской республики его деятельность приобретает масштабный, организованный, массово-политический, предельно открытый, публичный характер: Вайнерт участвует в многочисленных митингах, собраниях, а также специальных авторских вечерах-встречах, оповещения о которых осуществлялись с помощью ярких, привлекающих внимание афиш – «Говорит Эрих Вайнерт». Собственно, этот период можно считать наиболее насыщенным, и фактически, расцветом творчества Вайнерта, что связано с интенсивной экспериментально-практической работой – попытками использования классических, уже апробированных художественных форм, и – рецепции приемов революционного стиля, отличительной особенностью которого выступало варварско-нигилистическое обращение с языком, введение всевозможных неологизмов и искусственно скомбинированных слов или просто вербального редуционизма, что, безусловно, преследовало конкретную цель – сближение с пролетариатом, низменными интересами и приоритетами черни по отношению к которой в действительности должна была применяться только одна «стратегия»:

*Крепко пятою топчи пустодушный
народ, беспощадно*

Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!
(Феогнид. Перев. В. В. Вересаева) [15]

Тем самым, поэзия приобретала предельно политизированный, если можно так выразиться, эпическо-партийный характер. Аналогичным образом поступал и

Э. Вайнерт: заимствуя эту методологию, он сформировал свой собственный стиль, который можно условно обозначить как *просоциалистическая эклектика*: сочетание в стихотворных произведениях народной фразеологии, устной речи, лозунгового языка и мышления:

«Крестьянин! Хохочет банкир-людоед!

Ему не торчать в окопе.

Ты с голоду пухнешь – он сыт и одет.

И дела ему до судьбы твоей нет:

Ты гибнешь – он денежки копит»

(Перевод В.Н. Девекина) [17, с. 6]

В этом плане творчество Вайнерта во многом перекликается с творчеством советского поэта В.В. Маяковского, также отличавшегося леворадикальным экстремизмом и готового всех скинуть с «парохода современности» – тех, кто не поддерживает революционную анархию и индивидуалистическую вседозволенность, сливающуюся в тиранию группы, коллективизм.

Естественно, что активизация «вайнертовских чтений», регулярная декламация «Вайнерт-абенде» не могли остаться незамеченными властями, начинавшими, и, что вполне естественно, пресекать и ограничивать эту аффектированную оппозиционность и «разоблачительский запал», связанный с известным приемом векторно-односторонней критики по классово-партийному принципу: раскрывая глаза общественности в свойственной ему саркастической манере нелюбимые черты «реакционного лагеря» – материалистическую косность мещанина-бюргера, лицемерие «фашистов»-шовинистов, церкви и «посткайзеровской воещины», Вайнерт при этом полностью дистанцировался от даже элементарного анализа того идейного течения, к которому он примыкал и с которым себя идентифицировал.

Мы не встречаем ни упреков в жестокости, проявленных «борцами революции» в России и активистами левого движения в Германии, ни осуждения трагических и патологических последствий, связанных с курсом на уничтожение культурных ценностей, которые огульно объявля-

лись «буржуазными пережитками» «старого строя», уступающего место «пролетарской диктатуре», ни даже попыток постановки вопроса на вопрос – какова перспектива новой, социалистической Германии, когда бунтарско-пропагандистский этап пройдет. Ничего этого не нашло отражение в творчестве Вайнерта, предпочитающего просто догматически принимать гуманизм в исключительно политически пристрастном истолковании, полностью отдаваясь эмоционально-язвительной аффектации, приобретающая порой крайне *инфантильный* оттенок. Например, первое «антифашистское» сатирическое произведение Вайнерта, написанное в 1930-е гг., носит название «Мессия кофейных кумушек» [4, с. 90] – таким эпитетом он награждает фюрера Третьего Рейха, разоблачая его якобы его мещанско-обывательскую, «буржуазную» сущность, рассматривая его как полностью безликую фигуру, из-за сумасбродства которой:

«Великая Германия! Ты свиным

Сегодня во владенье отдана....

(Перевод Л. Гинзбурга) [19, с. 90]

В стихотворениях Вайнерта прочитывается недвусмысленный намек, из которого следует, что весь немецкий народ – якобы аморфная масса, попавшая под какое-то полугипнотическое влияние со стороны лидера из себе подобной среды, а весь период после 1933 г. – этап «коричневого ига», «фашистской» реакции, не представляющие из себя ничего, кроме механистического давления государственной машины над личностью. А спасти Германию способен был лишь, как полагал Вайнерт, только «красный перец», как следует из одноименной «Песни о красном перце», под аллегорией которой подразумевается активист-коммунист и весь «левый фронт» как таковой.

Такие примитивные оценки сами по себе являются недопустимыми и свидетельствуют о высокой степени ангажированности поэзии, в которой рифмованные инсинуации опережали реальное осмысление той или иной проблемы, указывали на непонимание феномена сопричастия к власти, перспективами консервативного ми-

ропорядка, очищенного от крайностей вождистского произвола.

Приход к власти А. Гитлера и становление национал-социалистического режима в Германии вынуждают Вайнерта покинуть страну. В 1933 г. он вместе с дочерью эмигрирует сначала в Швейцарию, затем живет в Париже, а в 1935 г. приезжает в СССР, где и остается вплоть 1946 г. Однако, эмиграция не только не ослабила, но и, напротив, способствовала интенсификация литературной и общественно-политической деятельности Вайнерта, который выступает в разных ипостасях: как поэт, пропагандист-антифашист, фронтовой корреспондент и прямой участник фронта сопротивления: в 1937-1939 гг. Вайнерт участвовал в Гражданской войне в Испании, а в годы ВОВ – даже возглавлял Национальный комитет «Свободная Германия». Не менее значителен его вклад и как переводчика: всего с 1935 и до начала 1950 годов Вайнерт перевел около 68 произведений украинского писателя Т. Шевченко, а также ряд стихов М.О. Лермонтова (в том числе – поэму «Демон»), В.В. Маяковского, С.Я. Маршак, К. Симонова и некоторых других.

Собственно, именно с пребыванием в Советском Союзе открывается новый этап в творчестве Вайнерта, который получает возможность свободно выражать свои идеи, симпатии к социалистической государственности и ее идеологическим целям. Произведения, созданные в это время отличаются высокой освободительной патетикой, надеждой на крушение нацистского режима и прекращение «фашистского» террора:

*«Но мы под ярмом не будем,
Коль эта страна жива,
Коль путь озаряет людям
Рубинами звезд Москва!»*

(Перевод В.Н. Девекина) [17, с. 6]

22 июня 1941 г. начинается Великая Отечественная война, и Вайнерт, демонстрируя идейно-политическое солидарность с борьбой СССР с нацистской агрессией, подает заявление с просьбой использовать его для ведения агитационной работы среди немецких солдат, чтобы пробудить

в них дух сопротивления тоталитарному режиму, поработившему их общую Родину. Причем, иллюстрации ко многим контрпропагандистским материалам Вайнерт, обладавший еще и талантом художника, рисовал сам.

В стихах, написанных в это время, прочитываются искренние переживания за судьбу своей страны, над которой нависла угроза очернения всей ее богатой истории, культурного наследия, память о котором оказалась вытесненной суровой реальностью военного противостояния, произволом национал-социалистов, дискредитировавших идею «консервативной революции» и Третьего пути, сведшихся вместо построения органичного государства и общества, к человеконенавистнической практике, расово-натуралистической сегрегации, обосновывавшихся подрывными хтоническо-теллурическими установками «земли и крови», когда националистический партикуляризм превратился в самоцель. Действительно, ответственность за действия лидеров НСДАП в массовом сознании ассоциировалась с преступлением всего немецкого народа, по отношению к которому К. Ясперс, а вслед за ним и современные историки, общественные деятели, заговорили о «коллективной вине» [13, с. 14], адресованной, в первую очередь, немецкой интеллигенции, которую Вайнерт еще в 1934 г. предостерегал:

*Будь проклят тот, кто к беде родного края
Коль лжи в обличье истины привык!
Будь проклят, кто, угрозу сознавая,
Мечтал уйти в обитель тихих книг!
Когда опять начнется наступленье
И озарится мир огнем войны
Тогда никто не снимет с вас вины
За соучастье в этом преступленье...»*
(Перевод Е. Эткинда) [19, с. 159]

Значительное количество стихотворений, рассказов, фронтовых очерков (таких как, например, «Смерть за Отечество» (1942), «Целесообразность», «На истинных врагов» (1943) Э. Вайнерт посвятил прославлению отваги, мужества советских воинов, рассматривая справедливую борьбу, которую они вели, как мощный стимул для пробуждения сознательности у своих со-

отечественников – немецких солдат, рабочих, интеллигенции, которые оказались вовлеченными в преступные замыслы национал-социалистического режима. Многие стихотворения антивоенного жанра написаны в стиле морально-политического призыва, обращения, с надеждой прекращения кровопролития и неизбежности возмездия за проявленное безрассудство. Так, в стихотворении «Двери в жизнь открыты» из фронтового дневника «Помни о Сталинграде» Вайнерт с горечью констатирует:

*«Вы не уйдете из котла!
Здесь нет не выхода, ни щели -
Вас не отпустит Сталинград.
Чего ж вы медлите без цели?
Скажи, чего ты ждешь солдат?»*

Поэт использует назидательно-ностальгический психопозитический инструментарий – напоминание о судьбе близких, родных, что рассматривается им как «духовное противоядие», способное нейтрализовать нацистскую пропаганду, помочь преодолеть конформизм, вдохновленный милитаристским государством. Он призывает прекратить повиноваться бессмысленным приказам Гитлера и его окружения, ведущих страну к гибели, в экзистенциально-онтологический тупик. Фактически, Вайнерт разоблачает псевдопатриотизм, указывая, что подлинный героизм для немецких солдат и общества заключается в пробуждении чувства ответственности за свои действия, здравого смысла, в случае возобладания которых военная машина будет остановлена собственными силами, «изнутри».

*Вы здесь в окопах, как в могилах,
Вам руки холодом свело.
Не лучше ль жен увидеть милых,
Вновь встретить ласку и тепло?
Теперь же ясно чья победа.
Позорен Гитлера провал.
Не верьте ж вы пустому бреду,
Не ждите, что б последний пал.
Пускай все громче раздается
Над нами разума призыв:
«Кто сдастся в плен – тот будет жив
Кто будет жив – домой вернется!»*
(Перевод М. Зельдович) [18, с. 448]

Мы видим, что атмосфера военного времени оказала огромное влияние на тематику произведений, сам литературный стиль Эриха Вайнерта, который в это время отходит как от интимно-лиричной созерцательности, избыточного гротеска, что, безусловно, положительный момент, хотя от привычного разоблачительного, революционного пафоса поэт не отказывается. Он лишь приобретает более конкретную направленность, фокусируясь вокруг проблем военного противостояния в сравнительном ракурсе с элементами антитезы как художественного приема, раскрывающего непримиримость разных «измерений» бытия: злобной «фашистской» армии и окрыленной борьбой за идеалы справедливости, олицетворяющей торжество коммунистических идей Красной армии. Так, в стихотворении «На истинных врагов» (1943) Вайнерт указывает немецким солдатам на подлинную цель по уничтожению врага, что не предполагает никакой иной альтернативы:

*Расплаты великой приблизился день.
И тем, кто не понял, – не добрый расклад!
Бегите! Но всюду ужасная тень
Накроет вас именов: Сталинград!
Победу большую вам Гитлер сулил,
Нашли вы покой среди дорожных могил.
Кому это нравится, пусть подыхает!
Но тот, кто не хочет обманутым быть,
К свободе смелее свой путь направляет
К отчизне, родимой не порвана нить -
Назад!*
*Не жертвуйте жизнью что в ваших руках!
Врага вы узнали! Ступайте назад!
Развейте преступную братию в прах!
Пусть будет свободного духа парад!
Врагу мы Германию не отдадим
Штурмуйте скорее, итурмуйте Берлин!
Вперед!*

(Перевод М.О. Зимина) [26, с. 115-116]

Таким образом, подводя итоги, отметим, что творчество Эриха Вайнерта, его жизненный и интеллектуально-поэтический путь стали в буквальном смысле зеркальным отражением глобальных противоречий, цивилизационных катаклизмов, мировой энтропии, связанной с военно-политическим противостоянием. Без преувеличения можно говорить о том, что военизированная обстановка, атмосфера

ра повышенной конфликтности становилась повседневностью не только на фронте, но и в тылу, вызывая к жизни причудливые и эклектичные формы взаимодействия между сторонниками левой, правой идеологий и их комбинаций.

Отличительной особенностью литературы этого периода и идейного облика художественной интеллигенции являлась предельная политизированность, тенденциозность, которая усиливалась под давлением обстоятельства, когда на первый план выступали аргументы не здравого смысла, рационального обоснования, а их дискурсивные суррогаты. Все это повлияло на язык, средства художественной выразительности, тяготеющей к нередко крайне примитивному лозунгово-разоблачительному стилю. Приверженцем этой «новой», левой волны был и Эрих Вайнерт, чей, несомненно, значительный вклад в поэтическое искусство, гуманистический потенциал творчества в целом были серьезно омрачены интеллектуальной ограниченностью, связанной с идеализацией социалистического порядка и недооценки перспектив Третьего пути, консервативной революции, которые ошибочно ассоциировались только с уже имевшимся конкретно-эмпирическим опытом нацистской Германии и фашистской Италии.

Созданные ими экзистенциально-онтологические формы, сводящиеся преимущественно к тотальной агрессивномилитаристской дисциплине и насильственной сегрегации по натуралистическому принципу (расовый отбор) привели к дискредитации чистой идеи органичного миропорядка, предполагающего не искусственно-механическую комбинаторику, провозглашавшуюся как левыми, так и квази-правыми силами (идеологический фанатизм первых приводил к эгалитаризму, смешению и стиранию различий, вторых – к еще более абсурдной расовой «элитарности»), основанного на интеграции различий, подчиненных социально-интеллектуальной иерархии, опирающейся на подлинный идейно-сущностный облик и предназначение каждой личности, а не на ее классовые и иные внешние или вторичные параметры, которые стали объек-

том манипуляции у писателей социал-демократического фланга, всерьез веривших в реальность «диктатуры пролетариата» и перспективы «социалистического благоденствия». Для ее наступления, по мысли этих адептов социализма, достаточно лишь изменить *классовую* вертикаль, чтобы «низы» с «буржуазными верхами» поменялись местами, и приступили к насаждению «пролетарского гуманизма» на интернациональных началах.

Все эти заблуждения, иллюзии впитало в себя и поэтическое искусство Германии второй четверти XX века, ниспровергающее одних лжегероев, но прославляющее других.

Библиографический список

1. Беньямин В. Автор как производитель (пер. Д.А. Смирнова) // Интеллигенция и мир. 2008. № 2.
2. Вилард Хёрцфельде: история создания одного издательства // <http://www.agitclub.ru/museum/agitart/heartf/neuejugend.htm>
3. Гротеволь О., Памяти Эриха Вайнерта // ГДР на стройке. 1953. № 3-4.
4. Девекин В.Н. Эрих Вайнерт. Критико-библиографический очерк. М., 1965.
5. Девекин В. Н. Сатира Эриха Вайнерта // Литература Германской Демократической Республики. М., 1958.
6. История немецкой литературы в 5 тт. Т. 5. 1918-1945 / Под ред. Н.И. Балашова, В.М. Жирмунского, Б.И. Пуришева, Р.М. Самарина, С.В. Туравева, И.М. Фрадкина. М., 1976.
7. История немецкой литературы / Под общей ред. А. Дмитриева. В 3 тт. Т. III. М., 1986.
8. Кендлер К. Драма и классовая борьба. М., 1974.
9. Копелев Л., Говорит Эрих Вайнерт // Сердце всегда слева, М., 1960.
10. Матузова Н.М. У истоков немецкой литературы социалистического реализма. Киев, 1987.

11. Пронин В.А. История немецкой литературы. М., 2007.
12. Рожковский С.В. Социалистический реализм в немецкой литературе. М., 1973.
13. Рулинский В.В. «Проблема вины» в послевоенных дискуссиях германских историков. 1945-1990 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014.
14. Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М., 2009.
15. Феогнид // <http://simposium.ru/ru/node/11119>
16. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2007.
17. Эрих Вайнерт. Био-библиографический указатель / Отв. ред. В.Н. Девекин. М., 1953.
18. Эрих Вайнерт. Избранное. М., 1958.
19. Эрих Вайнерт. Избранное. Пер. с немецкого. М., 1965.
20. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015.
21. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эволы и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1.
22. Юдин К.А. Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе: проблемы истории и историографии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4.
23. Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизация бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2.
24. Becher R. Johannes. Unsere Wendung. Vom Kampf um die Existenz der proletarisch-revolutionären Literatur zum Kampf um ihre Erweiterung // Die Linkskurve. 1931. H. 10.
25. Dichtungen und Schriften. Gesamtausgabe. Hg. v. K.L. Schneider. Bd. 3. Tagebucher Traume Briefe. Hamburg, 1960.
26. Erich Weinert gedicht: Herausgegeben von Hans Marquardt. 13 Aufl. Leipzig: Philipp Reclam Jun. 1970.
27. Gestern, heute, morgen (Erich Weinert) // Die Weltbühne. 1951. № 32.
28. Pintus K. Vorwort zu: Menschheitsdämmerung. Simphonie juhgster Dichtung. Leipzig, 1968.
29. Zur Geschichte der sozialistischen Literatur 1918-1933. Berlin, 1963.

©М.О. Зимин, К.А. Юдин, 2016.

ⁱ В переводе Л. Гинзбурга эта фраза звучит как «помещик-барон». См.: [19]. – прим. авт.